

Т. С. Аникина

**ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТЫ
АТРИБУТИВНО-ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
(на материале суахили, руанда, йенданг и русского
языков)**

В любом языке ТР образуют достаточно замкнутую группу понятий, которая занимает особое положение не только в силу своего значения, но и по причине особого функционирования в рамках некоторых конструкций. Так, в суахили (как и в большинстве других языков группы банту) ТР образуют отдельный именной класс и имеют собственную систему согласования, коррелирующую, в свою очередь, с девятым именным классом (*baba y-a Musa* (1aCL-отец 1aCL.POSS-POSS Муса) — ‘отец Мусы’). В другом языке банту — руанда (киньяруанда) отличительной особенностью ТР является не только наличие отдельного класса в системе согласования, но и отсутствие начального аугмента практически у всех слов данной группы. Исключением из этого правила являются только следующие термины: *u-bu-vi-vi* — ‘правнук’ и *u-bu-nyano* — ‘праправнук’, которые относятся к XIV именованному классу и начинаются с гласной фонемы. При этом многие ТР в руанда имеют супплетивные основы, которые употребляются с разными посессорами (*mama* — ‘моя мать’, *nyina* — ‘его, их мать’). Это означает, что при выборе той или иной основы необходимо в первую очередь учитывать характеристики посессора, который имплицитно выражается в той же словоформе, что и обладаемое. Например, в руанда существуют три разных термина для обозначения отца: *data* — ‘отец говорящего (говорящих)’, *se* — ‘чей-то отец’ и *so* — ‘отец адресата (адресатов)’. У подавляющего большинства ТР, как уже отмечалось выше, отсутствует аугмент, что в целом нехарактерно для лексики руанда. Однако подобная маркированность ТР встречается во многих языках мира. Даже если в языке отсутствует такое четкое обособление ТР, как в суахили или руанда, данные лексемы все равно будут проявлять особые свойства в рамках некоторых конструкций. К таким конструкциям можно отнести, например, атрибутивно-посессивные, которые, несмотря на внешние различия, фиксируемые в разных языках, имеют общую внутреннюю структуру.

Атрибутивно-посессивные конструкции можно рассматривать как в широком, так и в узком плане. Если давать этому поня-

тию самое общее определение, то в таком случае к атрибутивно-посессивным конструкциям должны относиться два и более имени, связанные между собой отношениями принадлежности. Однако при такой трактовке атрибутивной посессивности, к ней можно отнести и такие сочетания, как, например, *экономические проблемы*, и такие, как *проблемы экономики*. Однако разница между двумя этими синтагмами довольно существенна. Под *экономическими проблемами* обычно подразумеваются такие, которые теоретически могут принадлежать экономике любой страны, а само определение как бы отсылает к классу объектов, а не к конкретному референту. Ср.: «...война вызывает *экономические проблемы*, снижает доходы населения и повышает безработицу» и «На встрече с президентом были затронуты и *проблемы экономики*»¹. Таким образом, синтагма типа *экономические проблемы* является примером нереферентного употребления посессора. В случае с *проблемами экономики*, напротив, и посессор, и обладаемое имеют более определенный характер. То есть референтное прочтение посессора в данном случае будет более предпочтительным. Однако необходимо отметить, что ни в первом, ни во втором случае деление на референтного и нереферентного посессора не является однозначным и заданным изначально. Выбор той или иной формы, а также ее интерпретация во многом определяются контекстом. Однако в случае с нереферентным посессором в русском языке отдается предпочтение согласованному определению, а с референтным — несогласованному. Более того, несогласованное определение, в отличие от согласованного, легко распространяется, и, таким образом, его значение может существенно уточняться. Ср.: *автомобильные фары* и *фары (этого, купленного моим братом, красивого и дорогого...) автомобиля*.

Для языка суахили деление посессоров на референтные и нереферентные имена носит более ярко выраженный и последовательный характер. Так, фразы типа *ki-tabu ch-a m-toto* (7CL-книга 7CL.POSS-POSS 1CL-ребенок) — ‘книга ребенка’ и *ki-tabu ch-a ki-toto* (7CL-книга 7CL.POSS-POSS ATR-ребенок) — ‘детская книга, книга для детей’ внешне отличаются только наличием аффикса *ki-* у посессора, но при переводе проявляются все те же отличия референтного и нереферентного посессора, что и в аналогичных примерах из русского языка. Для нереферентного посессора наличие аффикса *ki* является важным условием, поскольку его появление делает референтное прочтение данной конструкции невозможным.

Таким образом, представляется важным разграничивать два типа атрибутивно-посессивных конструкций: конструкции, основной задачей которых является выражение отношений принадлежности, т.е. обычные посессивные конструкции для референтных посессоров, и конструкции, которые употребляются для нереферентных посессоров (атрибутивно-посессивные конструкции в узком смысле). Для второго типа конструкций характерно еще и то, что нереферентные посессоры по своей функции очень близки к прилагательным и практически замещают их. Это явление ярко проявляется на материале языка суахили, который, как и многие другие языки группы банту, имеет довольно ограниченный набор прилагательных (согласно [Dixon 1982] не более 80), поэтому их функцию берут на себя нереферентные посессоры в составе атрибутивно-посессивных конструкций. Исходя из этой особенности рассматриваемых конструкций, их можно называть адъективно-посессивными. В целом, они более маркированы, чем обычные посессивные, и морфологически выражаются присоединением показателя *ki-* к нереферентному посессору. Такая маркированность адъективно-посессивных конструкций, по всей видимости, говорит об их инновационной природе.

Итак, по типу посессоров атрибутивно-посессивные конструкции делятся на обычные посессивные (*политика государства, kitabu cha mtoto* — ‘книга ребенка’) и адъективно-посессивные (*государственная политика, kitabu cha kitoto* — ‘детская книга’). В первом случае посессор является референтным именем, но может при этом как иметь референт и денотат (т.е. обозначать целый класс объектов), так и употребляться только в своем референтном значении (без денотата), что характерно для ТР (см. приложение, табл. 1 и 2). Сама семантика и «эгоцентрическая» природа многих ТР говорят об их преимущественно референтном употреблении². Однако эта особенность создает и некоторые трудности, т.к., в отличие от обычных посессивных конструкций, конструкции с ТР могут сильно отличаться не только в плане содержания, но и в плане выражения.

Если рассматривать те атрибутивно-посессивные конструкции, в которых ТР выступают в качестве обладаемого, то можно заметить интересную закономерность. В соответствии с иерархией одушевленности, которая впервые была предложена в работе [Silverstein 1976], ТР являются элементами иерархии. Если представить идею М. Сильверстейна в несколько упрощенном

виде, то верхние позиции в иерархии одушевленности занимают личные местоимения, затем идут имена собственные, ТР, обозначения человека, животных и, наконец, неодушевленные имена. Рассмотрим в качестве примеров следующие сочетания: *моя мать*, *Петина мать* / *мать Пети*, *мать учителя*. В первом случае, когда посессором является личное местоимение, возможен только один вариант атрибутивно-посессивной конструкции с согласованным определением. На первый взгляд это сближает такие высказывания, как *моя мать* или *экономические проблемы* в плане выражения, что, как было показано выше, говорит о нереферентном употреблении посессора. Но на самом деле здесь складывается совершенно иная ситуация, т.к. определение (атрибуция) одного объекта делается не через другой нереферентный объект, как в случае с *экономическими проблемами*, а через слово с максимально определенной семантикой и четким референтом. Личное местоимение, как и ТР или имена собственные, не имеет денотата, т.е. класса однородных объектов, которые могут выражаться данной лексемой. Оно всегда определено априори, исходя из контекста ситуации. При этом по мере понижения ранга имени в иерархии одушевленности изменяется способ морфологического выражения атрибутивно-посессивных конструкций. Если для личных местоимений в русском языке возможен только один вариант (*моя мать*), то для имен собственных возможны оба варианта (*Петина мать*, *мать Пети*), где выбор той или иной синтагмы, по всей видимости, диктуется отношениями темы и ремы в рамках всего высказывания³. Возвращаясь к примерам с одушевленными и неодушевленными посессорами, которые занимают более низкие позиции в рамках иерархии одушевленности, необходимо отметить наличие единственного способа выражения атрибутивной посессивности. Для такого рода высказываний возможны только несогласованные определения в качестве элементов посессивной конструкции (ср.: *мать учителя*, но **учительева*, *учительская мать*). В суахили аналогичным образом можно разграничить фразы типа *tam-angu* (1aCL-мать-1SG.POSS) — ‘моя мать’, *tama w-a Hamisi* (1aCL-мать 1CL.POSS-POSS Хамиси) — ‘мать Хамиси’ и *tama w-a mw-alimu* (1aCL-мать 1CL.POSS-POSS 1CL-учитель) — ‘мать учителя’ (см. приложение, табл. 3). В первом примере происходит стяжение в единую словоформу самого ТР и посессора, выраженного притяжательным

местоимением. Такой способ маркирования ТР, выступающих в качестве обладаемого при личных местоимениях, весьма характерен для суахили. Несмотря на возможность употребления полной формы *tama u-angu* (1aCL-мать 1aCL.POSS-1SG.POSS) — ‘моя мать’, *tam-angu* (1aCL-мать-1SG.POSS) с аналогичным значением встречается в этом языке значительно чаще. Таким образом, для данного класса лексем⁴ у говорящего есть две возможности: использовать полную или стяженную форму атрибутивно-посессивных конструкций.

Рассмотрев конструкции с ТР в качестве обладаемого, можно перейти к тем, в которых ТР играют роль посессора. Известно, что для выражения притяжательности в русском языке, как и в большинстве других славянских языков, используются два типа конструкций: с притяжательным прилагательным (*отцова шапка*) и родительным приименным (*шапка отца*). Однако, как отмечается в [Иванов 1990: 380]: «...конструкции с притяжательными прилагательными оказались в общем нежизнеспособными... и были вытеснены конструкциями с родительным приименным». Более того, формы с притяжательными прилагательными воспринимались как архаичные еще в середине XIX в., они сравнительно редко встречаются в литературных памятниках той эпохи [Иванов 1990].

Для атрибутивно-посессивных конструкций значимым является то, что, несмотря на «архаизацию» притяжательных прилагательных, эти формы сохранились и активно используются с ТР. Например, можно сказать *бабушкин дом* или *дядина машина*, но нельзя **учителей дом*, **директорова машина* и т.д.⁵ Однако существуют и такие ТР, для которых использование притяжательных прилагательных либо вообще нехарактерно, либо их применение ограничено контекстом. Как правило, это относится к тем ТР, которые занимают более низкую позицию во внутренней иерархии. Так, еще в работе [Matambirofo 2000] отмечалось, что практически любой уровень в иерархии Сильверстейна можно разбить еще на несколько подуровней, основываясь на значении соответствующих лексем. Классифицируя таким образом ТР, можно предположить, что старшие родственники будут занимать более высокие позиции во внутренней иерархии ТР. Возможно, именно это и является причиной, по которой посессоры типа *мама*, *бабушка*, *дядя* или *тётя* имеют большую свободу в выборе посессивной конструкции и могут

выступать в качестве как согласованного (*бабушкин дом*), так и несогласованного (*дом бабушки*) определения. Фразы же типа *сынов дом* или *сестрин подарок* встречаются достаточно редко даже в Национальном корпусе русского языка. Причем все примеры согласованных определений с участием такого рода посессоров (сын, дочь, сестра и т.д.), которые были обнаружены в корпусе русского языка, встречаются только с неодушевленным или более низким по рангу в иерархии одушевленности обладаемым (ср.: *братова машина*, но *братова мать).

Случаи, когда ТР оказываются одновременно и в роли посессора, и в роли обладаемого, встречаются достаточно редко в таких языках, как русский, суахили или руанда. Любой ТР в этих языках по-своему «эгоцентричен», т.к. он указывает на степень родства по отношению к определенному человеку. При этом основной функцией атрибутивно-посессивных конструкций является определение одного имени через другое благодаря установлению отношения принадлежности. Однако в случае с ТР иногда наблюдается маркирование «двойной принадлежности имени». Например, такое сочетание, как *сын (моего) брата*, сначала эксплицитно выражает родственные отношения между отцом и сыном, а затем отношения между отцом и (в данном случае) говорящим. Даже если притяжательное местоимение не выражается в синтагме, из контекста всегда становится ясно, по отношению к кому данный человек является братом. Таким образом, отношение родства маркируется два раза, что в целом представляет собой избыточную информацию. Как правило, такую ситуацию можно устранить путем введения нового ТР. Так, вместо *сына брата или сестры* в русском языке гораздо чаще употребляется лексема *племянник*. Похожим образом складывается ситуация и с другими ТР. Только в редких случаях возможно полное дублирование ситуации родства, например, в таких фразах, как «*он сын своего отца*», но их употребление ограничено контекстом и сопровождается распространяющими элементами (например, *своего*). Однако для такого африканского языка, как йенданг, напротив, нормой будут описательные ТР с активным использованием посессивных конструкций (*dinla vevéri yena* — ‘двоюродный брат = сын брата матери’).

В языке йенданг (группа адамауа семьи нигер-конго) в целом отсутствует формальное выражение адъективно-посессивных конструкций (они различаются только в плане содержания). Зато обычные посессивные конструкции демонстрируют боль-

шое разнообразие форм с участием ТР. Например, как и в суахили, существуют два различных типа конструкций для ТР в функции обладаемых и притяжательных местоимений в роли посессоров. Здесь также широко применяется стяженная форма, где происходит присоединение аффиксальной морфемы со значением посессора к полной форме обладаемого: *yǎ̀ràm-me* (отец-1SG.POSS) — ‘мой отец’ наряду с *m-an yǎ̀ràn* (SG-1SG.POSS отец) — ‘мой отец’. Однако данная возможность реализуется только для притяжательных местоимений в единственном числе (во множественном всегда используется полная форма: *b-o yǎ̀ràn* (PL-1PL.POSS отец) — ‘наш отец’). Если же ТР является посессором, то он также предусматривает использование маркированной конструкции для тех случаев, когда в качестве обладаемого выступает другой ТР или имя собственное. Маркированность такой конструкции заключается в элизии посессивного форманта *le*, который обычно занимает позицию между обладаемым и его посессором (ср.: *va Ali* (сын Али) — ‘сын Али’ и *takarta le Ali* (книга POSS Али) — ‘книга Али’).

Подводя итог, можно отметить следующее. Во-первых, ТР могут выступать в атрибутивно-посессивных конструкциях в роли как посессора, так и обладаемого. В суахили важно различать для ТР — посессора референтную (*ki-tabu ch-a mama* (7CL-книга 7CL.POSS-POSS 1aCL-мать) — ‘книга матери’) и нереферентную (*u-pendo w-a ki-mama* (11CL-любовь 11CL.POSS-POSS ATR-мать) — ‘материнская любовь’) формы соответствующих конструкций. Аналогично в зависимости от семантики посессора изменяются и атрибутивно-посессивные конструкции в русском языке. Нереферентный посессор выражается согласованным (*сыновний долг*), а референтный — соответственно, несогласованным (*дом сына*) определением. Причем чем выше позиция ТР в рамках иерархии одушевленности, тем больше вариантов реализации он имеет (*бабушкина корзина, корзина бабушки* и т.д.) Младшие родственники, как правило, не могут выступать в составе согласованного определения (**внукова игрушка*). В языке йенданг посессор, выраженный тем или иным ТР, требует наличия показателя *le* для всех случаев с неличным обладаемым. В остальных ситуациях *le* факкультативен, хотя наблюдается четкая тенденция к его элизии в рамках составных ТР (*va yǎ̀ràn* — ‘дядя, младший брат отца’).

Если же ТР выступает в качестве обладаемого (см. приложение, табл. 3 и 4), то в суахили, как и в йенданг, он может

иметь две формы: полную и стяженную, но вторая из них возможна только в том случае, когда посессором является притяжательное местоимение (суах. *bab-angu* (1aCL-отец-1CL.POSS) и *baba y-angu* (1aCL-отец 1aCL.POSS-1SG.POSS) — ‘мой отец’, йенд. *yena-mme* (1aCL-мать-1SG.POSS2) и *m-ay yena* (SG-1SG.POSS 1aCL-мать) — ‘моя мать’). Полная форма остается наиболее нейтральной и используется для всех остальных типов посессоров (*tama y-a mw-alimu* (1aCL-мать 1aCL.POSS-POSS 1CL-учитель) — ‘мать учителя’). В русском языке посессор-местоимение делает возможным употребление только одной формы атрибутивно-посессивных конструкций с ТР в роли обладаемого (ср: *мой отец*, *отец меня). Зато имена собственные могут реализовываться по-разному в зависимости от контекста и определенных характеристик самого высказывания (здесь, в частности, играют роль отношения темы/ремы). Так, по-русски одинаково верно будет звучать как *Петина мама*, так и *мама Пети*. Однако аналогия с другими личными именами не срабатывает. Так, можно сказать *сестра доктора*, но не *докторова сестра. Получается, что схема «посессор + обладаемое» характерна в русском языке для тех посессоров, которые занимают наиболее высокие позиции в иерархии одушевленности, а схема «обладаемое + посессор» наименее маркирована и употребляется для тех посессоров, которые в этой иерархии оказываются ниже своих обладаемых (ср.: *брат учителя* и *учителей брат).

Таким образом, ТР как в русском, так и в суахили, руанда или йенданг, отражают эгоцентрическую картину мира, которая лежит в основе любого языка. Их функционирование в рамках атрибутивно-посессивных конструкций определяется такими факторами, как референтное и нереферентное употребление посессора, а также его позиция и позиция обладаемого в рамках иерархии одушевленности. Если в составе адъективно-посессивных конструкций ТР проявляют те же свойства, что и лексемы с другим значением, то материал обычных посессивных конструкций однозначно указывает на их особое положение в рамках лексики соответствующего языка.

¹ Здесь и далее примеры на русском языке приводятся из Национального корпуса русского языка.

² Но оно не является единственно возможным. Ср., например: *материнская любовь*, *сыновняя почтительность* и т. д.

³ Соответственно, если ранее речь шла о Пете, то с наибольшей вероятностью будет выбрана форма *Петина мать*.

⁴ Стяженные формы, впрочем, возможны не для всех ТР. Подробный список см. в [Ashton 1944].

⁵ Как правило, ТР имеют две различные формы для адъективно-посессивных и обычных посессивных конструкций. В качестве примера можно привести следующие пары: *материн фарфор* / *материнский инстинкт*, *братьев дом* / *братский долг*, *дочерин жених* / *дочерний долг* и т.д.

Иванов 1990 — *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990.

Ashton 1944 — *Ashton E.O.* Swahili Grammar (including intonation). L.: Longmans, 1944.

Dixon 1982 — *Dixon R.M.W.* Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax. Berlin — N.Y. — Amsterdam: Mouton, 1982.

Matambirofa 2000 — *Matambirofa F.* Some aspects of the architecture of the possessive noun phrase in Bantu // *Zambezia*. 2000. Vol. 27, № 1. P. 71–92.

Silverstein 1976 — *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Humanities Press, 1976. P. 112–171.

Приложение

Таблица 1

Влияние характеристик посессора на выбор типа атрибутивно-посессивной конструкции в русском языке

Характеристики посессора		
Референтное употребление		Нереферентное употребление
Аутосемантичесность (денотат + референт)	Реляционность (отсутствие денотата)	
Несогласованное определение	Согласованное либо несогласованное определение	Только согласованное определение
<i>Двери дома, зарплата служащего, тетрадь студента</i>	<i>Мамина книга, Петина тетрадь, дом бабушки</i>	<i>Материнская любовь, соловьиная песня, машинное масло</i>

Таблица 2

Влияние характеристик посессора на выбор типа атрибутивно-посессивной конструкции в суахили

Характеристики посессора		
Референтное употребление		Нереферентное употребление
Аутосемантичесность (денотат + референт)	Реляционность (отсутствие денотата)	
Обычная посессивная конструкция		Атрибутивно-посессивная конструкция: посессор присоединяет показатель <i>ki-</i>
<i>mlango wa nyumba</i> — ‘дверь дома’ <i>mkono wa mwalimu</i> — ‘рука учителя’	<i>kiti cha mama</i> — ‘стул мамы’ <i>mkono wa mama</i> — ‘рука мамы’	<i>upendo wa kimama</i> — ‘материнская любовь’ <i>mkutano wa kirafiki</i> — ‘дружеская встреча’

Таблица 3

Влияние характеристик обладаемого на выбор типа атрибутивно-посессивной конструкции в суахили

Способ выражения посессивности	
Стяженная форма (только с реляционным обладаемым и притяжательным местоимением)	Полная форма
<i>babake</i> — ‘его отец’	<i>baba yake</i> — ‘его отец’, <i>kitabu cha mwalimu</i> — ‘книга учителя’

Таблица 4

Влияние характеристик обладаемого на выбор типа атрибутивно-посессивной конструкции в йенданг

Способ выражения посессивности	
Стяженная форма (только с реляционным обладаемым и притяжательным местоимением)	Полная форма
<i>yena-mme</i> — ‘моя мать’	<i>may yena</i> — ‘моя мать’, <i>takarta le wèŋ dzànsabek</i> — ‘книга учителя’